

Впервые увидев Афины, испытываешь некоторое замешательство: одноцветный, плавающий на солнце мегаполис со скудными лоскутами растительности, приземистые грибообразные церкви и нещадный треск мотоциклов. Где же сахарный блеск мрамора, божественная тишина и сладкие переборы невидимой арфы? Были ли они? – спрашиваешь себя, увязнув в эпицентре ревущей пробки.

Афинское "автонаводнение", как выяснилось, – результат не только возросшего благосостояния греков, но и их разудалой смекалки. В ответ на попытку городских властей приструнить дорожную неразбериху, поставив движение транспорта в зависимость от четности автономеров и дней месяца, горожане сразу же обзавелись "дублерами" с альтернативными номерами, практически удвоив парк автомобилей. А тут еще олимпийская горячка с ее повсеместным строительством...

Попав, наконец, в самый центр города близ Синтагмы (одной из главных афинских площадей), пересекаешь магистраль Василеос Амалиас и углубляешься в направлении Старого города на поиски Афин Фидия, Сократа, Аристофана. И чем ближе к Акрополю, тем рельефнее проступает история. Впрочем, о былом великолепии античных Афин только догадываешься, один за другим вычлняя из однообразного серобетонного контекста редкие проблески древности – руины Зевса Олимпийского, кладбище Керамик и, наконец, вот она – античная Агора, где две тысячи лет назад кипела торговля рыбой, вином и фруктами, ораторы собирали толпы слушателей, а вдоль останков расписной колоннады Стоя Аттала суетились ремесленники и мастеровые.

Соседнему Тесейону – храму Гефеста, бога огня, вот-вот стукнет 2500, а он все также крепок и монументален. На 500 лет моложе Башня Ветров – восемь из которых обозначены аллегорическими фризами на фасаде; эдакий символ точности: грани башни строго ориентированы по сторонам света плюс пара часов – солнечные снаружи, водяные внутри.

Олимпийское спокойствие обнаруживается лишь на Акрополе, ближе к небесам, – тишина подавляет звуки города и многоязычную туристскую какофонию. Здесь можно забыть о разочаровании, которое испытал, впервые увидев Афины.

По преданию, на ровном, как поверхность стола, прямоугольнике акропольской земли богиня-воительница Афина посадила в дар городу оливу, ставшую его символом. И афиняне недолго ломали голову, какой будет эмблема нынешней Олимпиады – конечно, венец из оливы! Храм Афины – Парфенон, давно лишенный драгоценной статуи Богини-воительницы и многих фрагментов фриза, израненный осколками порохового взрыва времен турецко-венецианской войны, почти всегда в строительных лесах: ветхие конструкции и блоки постепенно заменяются новыми. Видно, не за горами день, когда подлинным останется разве что его фундамент. И все же Парфенон всегда будет главной гордостью осовремененных Афин, его ориентиром. Выше него только Ликабетус – колоколообразный зеленый холм на небольшом отдалении, обвитый агавами и пешеходным серпантинном.

С высоты Ликабетуса виден весь город – и новые олимпийские постройки, и авангардная крыша главного стадиона, чуть было не опоздавшая к Олимпиаде из-за таможенных проблем.

Внизу, на Плаке, празднотекущая толпа заполняет лабиринты сувенирных лавок и мелких магазинчиков с чересчур радушными уличными зазывалами. Торгуют аляповатой керамикой и мелкой мифологической пластикой. В глазах рябит от олимпийской символики – стилизованных оливковых венцов на майках, бейсболках, кружках, открытках. Все это продавали до, продают и после Олимпийских игр...

Греки очень серьезно позаботились о безопасности Олимпиады. Две дюжины олимпийских сооружений, включая олимпийскую деревню, накануне Игр секьюрити охраняли от всех, в том числе и журналистов. Нетерпеливым советовали: хочешь взглянуть – вооружайся биноклем и карабкайся на Ликабетус. Обладатели же билетов с нетерпением ждали официального открытия спортивных соревнований, чтобы потом, захватив с собой хлеб, маслины и вино, полулежать на нагретых зноем ступенях олимпийского амфитеатра. Может быть, так бывало и в эпоху древних Игр?

Для 17 тысяч участников Олимпийских игр особо расстарались греческие повара (около 700 человек!). Руководствуясь девизом "Каждый спортсмен должен чувствовать себя в Афинах как дома", они освоили к Олимпиаде блюда любой национальной кухни.

И все же, находясь в Греции, лучше зайти в простую греческую таверну с полустершейся от времени вывеской – признаком "выдержки" и качества заведения! Интерьеры тут, как правило, довольно аскетичны: белые стены, грубовато сколоченные столы, деревенский ситец на окнах. Сразу подают вино – как воду, в глиняных кувшинах, и хлеб – ароматнейший, в плетеных корзиночках. Пока дождешься заказанного блюда, глядишь, и голод поутихнет. А торопиться здесь не принято – не "фаст-фуд" все-таки! Да и вечер длинный, еще не раз успеешь и проголодаться, и познать истину: сидеть в таверне – это не прозаическое утоление аппетита, а своего рода ритуал. До глубокой ночи звучит национальная музыка, и все от мала до велика танцуют, ловко нанизывая рок-н-рольные па на четкие лекала Сиртаки.

Правильная трапеза всегда завершается чашечкой кофе. Впрочем, греческий кофе – эллиникоскафэс (ни в коем случае не называйте его турецким, хотя это то же самое) – подают скорее глотками: чуть-чуть на донышке, зато с большим бокалом холодной воды. Есть еще фраппэ – взбитый со льдом и молоком растворимый кофе. Отлично освежает в нещадную афинскую жару, когда, укрывшись под зонтиком уличного кафе на Синтагме, ожидаешь смены почетного караула перед греческим Парламентом – бывшим королевским дворцом. И если к означенному моменту трещащая фотоаппаратами гурьба таких же ротозеев не заслонит мизансцену, есть шанс с комфортом, не покидая "партера", увидеть, как маршируют эвзоны – гвардейцы в национальных костюмах. Критерий отбора – высокий рост, отличная выправка и... стройные ноги – ведь маршировать им приходится в коротких юбках-фустанеллах.

В пик олимпийского сезона в городе яблоку негде упасть. Большинство отелей

забронировали минимум за полгода вперед, а в немногих оставшихся, не самых, кстати, фешенебельных, цены взлетели совсем не пропорционально уровню предоставляемых услуг и удобств. Но все это окупается оставшимися от Олимпиады впечатлениями, как нигде наполненными особым античным духом.